

В. Н. Ярская-Смирнова, М. В. Ковалёв

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ*

Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина,
Российская Федерация, 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77

Статья посвящена осмыслению феномена Великой русской революции в интеллектуальном дискурсе, исторической памяти русской эмиграции 1920–1930-х гг. В центре внимания авторов — конструирование темпоральности революции: изгнание из России стало характерной чертой времени, экзистенциальной трагедией. Русская эмиграция как свидетель и участник глобальных исторических потрясений создавала свои модели времени, культуру исторической памяти, переосмысление событий Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. В эмигрантской интеллектуальной культуре наметилась тенденция к многообразию темпоральностей, время революции совершило инверсию, извлекая социальные факты исторического прошлого в настоящее. Авторы представили время не безразличным и равнодушным фоном, на котором разворачивается история, а живым мониторингом социально-политической жизни России. Библиогр. 49. назв.

Ключевые слова: темпоральность, время, революция, русская эмиграция, историческая память, идентичность.

TEMPORALITY OF THE REVOLUTION IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN EMIGRATION

V. N. Yarskaya-Smirnova, M. V. Kovalev

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
77, ul. Politechnicheskaya, Saratov, 410054, Russian Federation

The article is devoted to the phenomenon of the Great Russian Revolution in intellectual discourse and the historical memory of Russian emigration of the 1920 and 1930's. At the center of the author's attention is the construction of the Temporality of Revolution: expulsion from Russia became a characteristic feature of the Time, an Existential Tragedy. The Russian emigration as a witness and participant of global historical shocks created their model of Time, the culture of historical Memory, rethinking the events of the First World War, Revolution and Civil War. In the emigrant intellectual Culture there was a trend towards diversity of Temporality, the Time of Revolution produced an Inversion, extracting the Social Facts of the Historical Past to the Present. The authors presented Time as not a cool and indifferent background against which History unfolds, but as a live Monitoring of sociopolitical Life in Russia. Refs 49.

Keywords: temporality, time, revolution, Russian emigration, historical memory, identity.

Темпоральность революции в интеллектуальном дискурсе русской эмиграции

Is Multiple-Time possible?

«Зачем подчинять разные проявления времени одному и тому же концепту времени, вместо того, чтобы дать определения каждому проявлению» [1, p. 37].

* Работа подготовлена в рамках международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» (проект 33.9938.2017/ДААД), гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-4739.2016.6), гранта РФФИ 2014–2016 (проект 14-06-00242).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Введение в нелинейную темпоральность. Исследовательский вопрос: в какой темпоральности находилась русская послереволюционная диаспора? Стабильность, проистекающая из равномерности времени, давно оказалась в прошлом. В ситуации глобальной нелинейности, дискретности времени темпоральность приобретает соответствующие характеристики. Но даже в техногенной цивилизации открывается путь к пониманию времени в социальном, историческом форматах, с привлечением аксиологической, ценностной окраски, что нарушает сухое бес- субъектное протекание чисто линейной длительности. Ведь расшифровка символа и понятия времени оказалась связанной с исторической памятью, социальным конструированием, культурно-исторической эволюцией темпорализма¹, выражением революционных временностей, теории времени как иерархии неразрешимых конфликтов, непрерывной борьбы развития и деструкций [2]. Если взглянуть на эволюцию концепций времени, то *«большинство социальных аналитиков рассматривают время и пространство всего лишь как окружение, в котором протекает деятельность, и легкомысленно соглашаются с характерным для современной западной культуры представлением, сводящим время к измеримому часовому времени»* [3, с. 173]. Но линейный набор категорий не в состоянии выразить трагический опыт как в индивидуальном, так и в коллективном измерении.

Социальное ускорение либо замедление времени — результат неравномерности — особенность современной научной картины мира в отличие от классической. Мировая история во времени предстает как чередование господства нескольких мир-экономик, объединенных единым центром и временными ритмами. Время мира продуцирует себя, указывая на неоднородность и зависимость от места и эпохи [4]. В эпоху модерна сокращается мера исторического развития и ускоряется ход мировой истории [5], мы живем по законам линейного времени, но должны констатировать, что повседневное время постоянно ускоряет свой бег [6, с. 66–71] и теряет линейность.

Хотя на самом деле культуры характеризуются сочетанием конфликтующих друг с другом времен, различные группы постоянно соревнуются за выбор соответствующего времени. И современные авторы уже не могут прятаться за единственный абсолютизм классического времени. *Разные компоненты социума находятся в различных темпомирах, т. е. имеют динамику развития, характер которой относится к исторически разному времени* [7; 8]. И чтобы уж совсем спрятаться за авторитет, приведем мнение известного темпоралиста: *«Я утверждаю, что время не имеет одностороннюю направленность, в которой все явления мира одинаково причащаются, но иерархию темпоральностей от времени человеческого фактора до вечности»* [9; 10]. Хотя есть опасность: хроническое время накладывается на большинство формальных человеческих действий, навязывает механическое измерение запрограммированного вида. Время, которые конструируется как жизненный путь или важное событие, труднее форматировать в количественных измерениях, невозможно измерить в часах фрагменты, несводимые к хронологии прошлого. Отметим, что эйнштейнизация времени позволила создать синтез релятивистских

¹ Темпоральность — *временность*, термин онтологии, временной атрибут любой формы реальности; темпорализм — термин эпистемологии — теории, концепции, описание, представления, проблема времени культурно-исторической эпохи.

и социальных концепций, историческую коммеморацию, социальную память, отказать от модальности навязанного расписания.

Отталкиваясь от социокультурного многообразия и нелинейности постнеклассического² понимания темпоральности, мы приобретаем возможность интерпретации прошлых исторических событий. Нас интересует пересечение исторического темпорализма, детерминированного событийным массивом, с вполне конкретным и ярким событием 1917 г. — Великой русской революцией, взбудоражившей и российское, и мировое сообщество и перевернувшей устоявшуюся систему социальных координат. Представить время, темпоральность революции, столетие которой наступает в нынешнем году, нам поможет анализ содержательных дискурсов русской диаспоры 1920–1930-х гг., нашедших отражение в различных нарративах.

Эмиграция породила уникальную и порой парадоксальную интеллектуальную культуру, соединившую в себе традиции и новации, ориентацию на код дореволюционной культуры и одновременно стремление понять пережитые исторические потрясения. Картина восприятия прошлого, настоящего и будущего в эмигрантской среде была чрезвычайно пестрой. Однако в ней можно выделить характерные черты, присущие эмигрантской интеллектуальной культуре в целом. Поэтому и данная статья не претендует на то, чтобы детерминировать различные пласты этой культуры и проанализировать их по отдельности. Главная задача сводится к тому, чтобы выделить общие конструкты, характерные для широких эмигрантских кругов.

Высокий образовательный уровень значительной части русских изгнанников, их вовлеченность в научную, творческую, общественно-политическую жизнь предопределили интенсивность рефлексии по поводу переживаемого исторического момента. Размышления о феномене революции находили отражение в разнообразных источниках (публицистике, научных сочинениях, учебных нарративах, мемуарах), которые дают большие возможности для изучения и обобщений.

Э. Гидденс справедливо отметил: *«История есть, прежде всего, временность (темпоральность), события в своей протяженности и длительности. Мы склонны ассоциировать временность с линейной последовательностью, а потому история представляется нам как движение в видимом направлении. Однако в действительности... следует говорить об „историчности“ как определенном смысле существования в социальном мире, подверженном непрерывным изменениям»* [3; 11]. К социальной, исторической памяти, проблеме поколений, нелинейному социальному темпорализму обращаются знаковые фигуры западной и отечественной социальной науки: Я. Ассман, А. Ассман, П. Нора, П. Рикёр, Н. Романовский, В. Семёнова, Ж. Тошкенко, М. Хальбвакс, Ф. Шенк [11–19]. Концептуализировать время и память после таких авторитетов сложно даже экспертам, но прошлое как основа новых практик коммеморации и организации символического пространства выступают объектом внимания организаторов и участников многих российских и международных конференций, научных изданий. Что касается феномена исторической памяти русской послереволюционной эмиграции, то, несмотря на внимание к нему исследователей (А. Антощенко, М. Вандалковская, М. Ковалев, В. Цепилова) [20–24], он еще требует детального, кропотливого изучения.

² Соответствует постнеклассическому типу научной рациональности.

Имеется немало работ об осмыслении эмигрантами революционных событий 1917 г., в которых делается упор на идейно-политическую составляющую (О. Антропов, О. Будницкий, С. Глебов, Н. Омельченко, Ю. Пивоваров) [5; 25–28]. Проблема темпоральности эмигрантского сознания и место революции на этой темпоральной карте пока изучены недостаточно. В каждом событии, как известно, существует темпоральный символ нелинейности, индивидуализации, независимости. Поэтому трудно представить не только современный, но и послереволюционный мир как исключительно линейный и однонаправленный процесс, пренебрегая прерывностью, разворотами и разрывами социальных, экономических и политических процессов

Событийная темпоральность революции. Исследовательский вопрос: что характеризует темпоральность революции как нелинейную? Интерпретация значимых социальных связей, анализ мотивов действий и объяснение важных процессов позволяют выявить культурную, историческую и географическую детерминированность *события*. Исторической миссией реального времени становится создание конфликтов и через них — социальных, культурных и личностных изменений, в том числе революций. Историческое время реализует себя в конкретных форматах как социальное время, *текущая современность* [25] и ее прерывность мощными событиями. Время революции 1917 г. стало одним из основополагающих событий начала XX в., положив начало череде других революций и предопределив социально-утопические проекты.

Социальные встряски, несправедливость, неблагополучие, огромное число ненужных жертв замедляют, останавливают темпоральность общества; жизнь замирает, отбрасывая в прошлое привычные политические режимы, деспотические правления. Модус исторического прошлого значим в социальном конструировании темпоральности, в условиях катастрофического поражения в Первой мировой войне и усиления гражданского противостояния. Великая русская революция предстает перед нами сжатым, как пружина, временем, сплетенным воедино трагическим пучком отдельных темпоральностей, не только враждебных друг другу, но деструктивных, стремящихся уничтожить друг друга.

Известные темпоральные типологии могут характеризовать то время, хотя, по сути, они оценочные и не совсем строгие: длящееся, обманчивое, неустойчивое, циклическое, замедленное, переменное, идущее вперед, взрывчатое [1, р. 37]. Эти оттенки времен можно обнаружить на разных этапах жизни России и каждого из нас. В 1917 г. темпоральность недовольства российским самодержавием как любого конфликта между ресурсами и притязаниями достигла апогея: несбывшиеся надежды разжигали революционное насилие, направленное против царского режима. Февральское время 1917 г., сместив самодержавие, стремилось создать либеральную республику, а темпоральность Октября спровоцировала государственный переворот, свержение Временного правительства, породила фантом революции во имя осознаваемой как реальность утопии. Новыми чертами темпоральности стали иррационализация социальных процессов, социальная деконструкция и децентрализация, размывание норм и амбивалентность ценностей, преобладающая неопределенность развития, симулятивность и театрализация основных сфер социальной жизни. Соотношение внутренней и внешней иерархий семантической значимости темпоральных форматов стало болезненным, сигнализируя о беспорядке в обще-

стве. Наступало время хаоса и деморализации, организацией нового типа культуры становилась линейная темпоральность [29, с. 262–263], ее включенность в господство централизации, давление социального времени в его недружелюбной версии. Семиотика войны проникает в круг повседневных забот, оказывается неотделимой от эмоциональной памяти: военный опыт нужно пережить.

Симптомы стресса переходят в посттравматические расстройства на дальнейшем жизненном пути. Травму анализируют не как единовременное событие, резко изменившее жизнь человека, но и как процесс, который продолжает влиять на отношение людей к их прошлому, настоящему и будущему. Изгнание из России стало характерной чертой времени, экзистенциальной трагедией, пожизненной травмой. Вместе с тем в результате эмиграции почти двух миллионов человек родился уникальный исторический феномен — Зарубежная Россия, российская послереволюционная эмиграция, время которой оказалось исторически ограничено периодом между двумя мировыми войнами. Она породила собственные представления о ходе истории. В начале 1920-х гг. русская эмиграция почти в буквальном смысле «сидела на чемоданах», пребывание на чужбине казалось временным испытанием, пока не превратилось в бесконечное ожидание возвращения. Нескончаемые дискуссии о будущем России, путях развития, вызванные желанием понять пережитые исторические события и оценить грядущие перспективы, неизменно соединяли науку, идеологию, историю и политику, хотя и не всегда отчетливо. Идея времени общества может быть проанализирована не только в качестве атрибутивного свойства социальной реальности, форм социальных, историко-культурных процессов, но и в контексте переживания идентичности и нравственности.

Социокультурная темпоральность эмиграции была многообразна и выражалась конкретной формой временности: для многих русских изгнание не только актуализировало споры об исторических путях России, но и породило новые формы памяти о прошлом, обострило старые разногласия. К примеру, оживились дискуссии об образе Петра Великого. Одни авторы (Н. А. Бердяев) видели «большевика на троне», который своими искусственными реформами и непоследовательной европеизацией разверз пропасть между «верхами» и «низами» русского общества, предопределив будущую революцию (Г. П. Федотов). Для других же он стал служить символом принадлежности к Европе и открытости внешнему миру (П. Н. Милюков), в противовес большевикам, или же создателем империи (Г. В. Вернадский), вновь в противовес большевикам, санкционировавшим центробежные процессы [23, с. 137–140].

Нелинейность темпоральности русской революции выражали иррационализация социальных процессов, деконструкция и децентрализация, размывание норм и ценностей, неопределенность, симулятивность, театрализация социальной жизни.

Память как центральная форма событий исторического времени. Исследовательский вопрос: как память связана с темпоральностью, временем? Каждая культура имеет собственное историческое время, а взаимодействие между ними осуществляется как темпоральная конструкция поколений, обеспечивающая в отношении к историческим событиям и политической, и эмоциональную связь. Разнообразие времени, его инверсий дает разнообразие культурной памяти. Функционирование памяти невозможно без коллективных инструментов — слов, идей,

не придуманных индивидом, а заимствованных из культурной среды. Историческая память выступает в культурных формах, сохранении культурного наследия нации, способствуя содружеству, консолидации взаимодействия социальных субъектов, и формы темпоральности подчинены эволюции культуры, *вспоминают* уроки истории, формируют историческую память поколения. Память формирует основу для наиболее прочных представлений субъектов посредством истории, а память революции — и коллективная, и индивидуальная — в каждом субъекте истории. Понятие пространственно-временной дистанциации (*distanciation*) отвергает универсальные социологические законы, независимые от времени и места — социологические генерализации правомерны лишь в пределах определенных исторических контекстов. Концепция структуризации [30] исходит из временности истории, а социальная теория проблемы порядка состоит в том, как социальные системы осваивают время. Сфера исследования в социальных науках — не опыт индивидуального актора и не существование формы социальной целостности, а социальные практики, упорядоченные во времени и пространстве [31, с. 444]. Образы прошлого могут способствовать содружеству, консолидации социальных и культурных сообществ на основе исторической памяти взаимодействия и солидарности социальных субъектов. Потому для русской эмиграции история служила важным связующим звеном, одним из способов конструирования идентичности. Отсюда намечалась тенденция к романтизации и героизации отдельных событий российского прошлого. Но вот революция 1917 г., породившая русскую эмиграцию, явно выбивалась из этого мемориального контекста, разрушая его единство.

История, понимаемая представителями той или иной общности людей как часть коллективного прошлого, составляет основу групповой идентичности [32], память коллективная «оборачивается» вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними [8]. Работа эмигрантского сообщества по формированию памяти была направлена на конструирование времени как внешней обрамляющей формы, а не на фиксацию отдельных воспоминаний. Поэтому в широком контексте следует говорить о памяти и темпоральности не отдельных людей, а социальных институтов и коллективов. На протяжении истории видно, как на периферии независимость новых наций вторгалась в историческое время, вызывая внутреннюю деколонизацию малых народов, групп, семей, всех, кто обладал *сильным капиталом памяти и слабым капиталом истории* [14, с. 17]. Действительно, представление российских эмигрантов о прошлом отличается от того, которое было у их дедов и прадедов. Но это связано в том числе с негативной, травматической памятью, которая в структуре социальной памяти вызывает разную реакцию у людей, по-разному относящихся к культурным различиям, хотя особую роль для коллективной идентичности национального сообщества играют солидарность, представление об общем прошлом.

Культура конструирует и наполняет разнообразными смыслами новейшие формы социального времени как актуального, так и мемориального характера. При этом надындивидуальное измерение памяти символизирует когнитивную оснастку феномена традиции, сопряженной с интенциональным переживанием сообщества [33]. Культура приходит на помощь, обращает, инверсирует время в прошлые события, закладывает память, охватывая разнообразные формы обращения к истории, создает образ коллективного прошлого и выполняет объединительные

функции. При этом воспроизводство прошлого может осуществляться при помощи различных практик. Так, в русской эмигрантской среде коммеморативными функциями были наделены многочисленные исторические праздники, юбилеи, памятные даты: 100-летие восстания декабристов, День русской культуры, 100-летие со дня гибели А. С. Пушкина [22].

Типы правил, значимых для социальных теорий, замкнуты в круг институционализированных практик, которые *глубоко осели во времени и пространстве* [30, с. 58], и смыслы идентичности, знания могут утратить ценность не в планетарном времени, измеряемом сутками, годами, а социальном, измеряемом скоростью социальных изменений. Русская эмиграция была порождена водоворотом исторических потрясений. Первая мировая война, революция, последовавшая за ней братоубийственная Гражданская война подорвали веру в прогресс, заставили думать о кризисе цивилизации. Они привели к переоценке исторического прошлого, побудили с новой силой задуматься над извечными для русских интеллектуалов вопросами об отношениях России и Запада, народа и интеллигенции, власти и общества. Революционные процессы стали осевым временем российской истории, ведь хроническое время включает соотнесение с событием, определяющим ось времени, возможность пройти временные интервалы в противоположных направлениях относительно нулевой даты и создание системы единиц обозначения повторяющихся промежутков времени — день, месяц, год [11, с. 213, 573–630].

Эмигрантская идентичность представляла собой изменчивую, динамичную систему, выстроенную из реальных и придуманных образов, в них сочетались и преемственность, и новации. В понимании времени истории как собственной судьбы первое место по значимости занял модус исторического прошлого. Речь идет о принадлежности к диаспоре и эмигрантскому самосознанию, которое опиралось на общую систему символов и выросло из этого общего прошлого. Следовало соотнести это прошлое с переживаемыми историческими процессами, а ускорение истории заставляло ощутить неизбежность нарушения равновесия.

Эмиграция также оказалась вписана в новые временные рамки, для русской диаспоры преемственность заключалась в ориентации на коды дореволюционной культуры, а новации были вызваны переосмыслением исторического пути России. Эмигранты пытались переосмыслить исторический опыт Запада вообще в свете Первой мировой войны, воспринимавшейся как кризис европейской цивилизации. Как писал князь Н. С. Трубецкой, «война смыла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик — лик хищного зверя, жадно лязгающего зубами» [34, с. 330]. Сама революция 1917 г. осознавалась немалым числом эмигрантов как явление внешнее и чуждое русскому духу, они искали в прошлом доказательства ошибочности и гибельности западного пути.

Коллективная память мы-группы хотя и не стабильный феномен, но объект исторического процесса, ядро представлений нации о самой себе, и изменения в историческом дискурсе можно считать и показателями изменения национальной идентичности существующего поколения. Русские эмигранты, воспитанные в эпоху «постромантического национализма», стремились «отмечать в прошлом прежде всего те черты, которые всегда были характерны для русского народа, его культуры, объясняли его историческое развитие» [35, с. 198]. Интегральная психологизация

памяти ввела экономию механизмов памяти и отношений с прошлым [14, с. 33], настоящее стало актуализированным прошлым. Эмигранты искали особые «места памяти» (*les lieux de mémoire*), символические образы прошлого, которые свидетельствуют о других эпохах. Они стремились найти в прошлом те идеальные или материальные объекты, которые могли напомнить о России и внушить гордость за нее. Поэтому, например, рождалось желание заполнить жизненное пространство символическими предметами: русскими книгами, иконами, фотографиями, значение может меняться, но это процессы развития мы-групп [19]. Историческим сознанием, памятью нации могут стать люди, события, предметы, географические точки с символической аурой, создающие представления общества о самом себе и своей истории.

Историческая, социальная, культурная память — центральная категория темпорализма, выступает в культурных формах темпоральности, подчинена эволюции культуры, выступая основным механизмом времени.

Дискурс истории. Исследовательский вопрос: в чем проявился дискурс истории в интеллектуальном наследии русской диаспоры? Время и отношение к историческим событиям обеспечивают для современных групп людей не только вертикальную (поколенческую) связь, но и связь политическую, эмоциональную [36, с. 261–262]. Модус исторического прошлого оказывается наиболее важным в социальном конструировании личностной темпоральности, определяя перспективу и собственное стремление к развитию. Историческое время, в конце концов, вскрывает свою социальную природу, ускорение и замедление выступают частью социального развития последние десятилетия [1]; ни модернизация, ни глобализация не могут быть поняты без их культурных и структурных корней, последствий для индивидуальной и коллективной жизни. Недаром понятие *турбулентное время* включено в тему Европейской социологической ассоциации [37], бросив очередной вызов научному воображению. Теперь ход человеческой истории можно четко описать с помощью неизменного закона ускорения, который обеспечивает фундаментальные и более глубокие представления о социальной жизни, проявляется в социальной жизни, демократии, модернизации. Именно поэтому ускорение и замедление являются ключевыми терминами в современной перспективе, выступают составной частью социального развития, имея прочное воздействие на протяжении последних десятилетий [38].

Для эмиграции «порвалась связь времен»; время ускорилося и замедлилось одновременно, представления об императорской России были пропитаны раздумьями о русской смуте. В историческом сознании диаспоры на первый план выходила парадигматическая роль революции и поиск её истоков как в недавних событиях, так и в более отдаленном прошлом. Так, понятие «XIX век» связывается с опытом ускорения времени и ассоциируется с современностью как антиномией вечности, история XIX века заканчивается 1918 годом. Трансформации, которые начались в XIX в., радикально прервались в 1914 г., поэтому XIX век со всеми оговорками может считаться «долгим веком» [39; 40], предполагая акцент на динамичности, разнонаправленности и отчасти — парадоксальности процессов развития, характерных для данного периода. Необходимым условием наблюдения становится всемирная перспектива, побуждающая к глобальному взгляду на феномены, события и действующих лиц.

При этом возможно выявление типов взаимосвязей между социальными ценностями, установками и социальной средой поколений, обусловленных историческим этапом культуры. Формы темпоральности подчинены именно эволюции культуры, они усваивают и *вспоминают* уроки истории, формируют историческую память поколения. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет, репрезентация прошлого, но с анализом в критическом дискурсе. История обязана быть универсальной, всеобщей, равнодушной к отдельному поколению, она оставляет лишь объективированное хроническое время. Собрать в единую картину совокупность прошлых событий можно, только изымая их из памяти групп, хранивших воспоминания, оставляя от них одну только хронологическую и пространственную схему [8]. Память же — феномен актуальный, это переживаемая связь с настоящим, ее чувственная природа уживается с деталями, питается многоплановыми, глобальными или символическими воспоминаниями, укоренена в конкретном образе и объекте.

Восприятие «долгого XIX века» русской эмиграцией было сложным и противоречивым, основным достижением признавалось создание великой культуры, литературы; Россия встала на путь модернизации, но эта темпоральность была резко прервана войной и революцией. Одновременно эмигранты остро критиковали самодержавие, которое препятствовало реформированию социальной и политической системы и лишало интеллигенцию свободы слова. Вина за революцию отчасти возлагалась на Романовых, с «недальновидной приверженностью бюрократическим и самодержавным методам правления, их искаженным и ограниченным взглядам на культуру» [35, с. 216]. Хотя хорошо известно, даже социальное государство как система институтов, идеологий и практик, оформляющих повседневную деятельность и социальные границы между людьми, неравенства так и не устраняет [41, с. 87–89].

С другой стороны, помимо критики власти, доведшей страну до кризиса, не менее распространенным был тезис о моральной ответственности интеллигенции: «Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более чем недостаточно бережно относились к её достоинству, её историческому прошлому». Трагедия интеллигенции, с одной стороны, осознавалась в отчуждении от государственной власти (по вине последней), а с другой — в том, что она не сумела увидеть «противокультурные и зверские силы, дремавшие в народных массах», «Россию погубила безнациональность интеллигенции» [42, с. 6, 17]. Идея культурного разрыва между народом, интеллигенцией и властью, связи между поколениями была не нова и разделялась многими учеными разнообразных политических взглядов: от крайне левых до закоренелых монархистов, хотя причины идейной пропасти виделись по-разному.

Известно, что интеллектуалы различаются своими позициями, мировоззренческими установками, создают разные темпоральные образы. Одни разоблачают отношения угнетения и подвергают критике сложившийся в данную историческую эпоху порядок вещей, другие создают мистификации, которые позволяют расцветать существующим отношениям власти [43, р. 15]. Поэтому некоторые эмигрантские исследователи ставили под сомнение тезис о неизбежности революции, мотивировав его бурным экономическим и культурным развитием страны на рубеже веков, что делало возможным преодоление всех накопившихся общественно-политических противоречий эволюционным путем. Но вступление России

в Первую мировую войну нанесло сокрушительный удар этим мечтам. Экзистенциальная модификация раскрывается здесь как взаимопроникновение прошлого, будущего, настоящего; всему свое время, все сущее приходит и уходит, но не вымирает, а составляет беспощадную память.

Произошедшие в группе события сами превращаются в сходства — их предназначение в том, чтобы с разных сторон показать одинаковое содержание — фундаментальные черты группы [8; 18]. Отсюда коллективная память как картина сходств: группа остается одинаковой, а изменились отношения или контакты. В общем массиве прошлых событий воспоминания, особенно так называемые переломные годы, занимают особую нишу памяти, где они не тускнеют, становятся яркими, выпуклыми, формируют темпоральность настоящего. Картины прошлого волнуют, их время переносится, дистанцирует: всё будто только произошло. XX век, открывшийся мировой бойней, продолжал динамическую модель времени, возвел идеи и практики прогресса и развития в абсолют. С позиций сегодняшнего дня более отчетливо прослеживается преемственность XIX и XX веков, однако не все в эмиграции смогли уловить эту связь, пытаясь провести четкий водораздел между эпохами. Для нас же очевидно, что «долгий XIX век» с его противоречиями, конфликтами и научными достижениями реально вырастает в практики «короткого XX века» [40]. Первая мировая война положила начало катастрофам века, полностью изменила мир, разорвала существующие социальные и политические порядки, ввергла человеческую цивилизацию в жесточайший кризис, развязала жестокость и ненависть, которые окрасили время всего XX века.

Различие между коллективной и исторической памятью остается равнозначным различию между индивидуальной и коллективной памятью [11, с. 167]. Прошлое как модус времени есть единственный материал памяти, но будущее втягивает в себя содержание прошлого и оживляет его, а любые наши воспоминания являются реконструкцией прежнего опыта, а не его репродукцией [8, с. 13]. Именно ради памяти время инверсирует, обращается в прошлое, накапливает, интегрирует, закрепощает и освобождает. Обращение заложено в определении предмета истории: это не прошлое и не время — это «люди во времени» [11, с. 236–237].

Многих эмигрантских интеллектуалов пугали натиск неумеренного и неконтролируемого технического прогресса, обернувшегося на практике совершенствованием разрушительного оружия, нагнетание нетерпимости между народами, лицемерие правящих кругов, социальная неустroенность, жестокость и воинственность, упадок нравов, идейные противоречия и, как следствие, закат культуры. Если в 1908 г. в учебнике по новой истории известный ученый Р. Ю. Виппер писал, что одной из главных черт современности, отличающей ее от всех предшествующих эпох, является «быстрое неостанавливающееся движение вперед во всех сторонах трудовой жизни и особенно возрастающее торжество знания и разума» [44, с. 2], то через двадцать лет, оказавшись за границей, он уже не был столь оптимистичен. Первая мировая война продемонстрировала, как технические достижения могут быть использованы для уничтожения людей, беспощадный характер войны поверг «культурную Европу» в глубины варварства [45, с. 451]. Трудно сказать, было ли это вызвано особым пониманием истории как науки о прошлом.

Существует особое восприятие новейшей истории, которая даже специалиста интересует иным образом, чем история других веков: «Эта эпоха, в отличие от

других, живет в моей памяти, поскольку я был в неё погружен, и многие мои воспоминания о том времени попросту являются её отражением» [18, с. 22]. Отношение эмигрантов к недавнему прошлому было неоднозначным, это можно объяснить тяжестью воспоминаний, которые навевали мысли о потерянной Родине, трагических событиях, которые пришлось пережить: «...для описания того, что пришлось пережить за время войны и революции, потребовалась бы книга много больше той, которую я решаюсь предложить теперь вниманию читателей. Да и трудно было бы писать сейчас такую книгу. Тяжело бередить незакрывшиеся раны» [46, с. 523–524]. С одной стороны, налицо желание интеллектуалов понять корни произошедшей исторической катастрофы, но, с другой, воспоминания о недавних событиях травмировали душу, и о них желали забыть. Опыт мемориализации и забвения, имевший место в эмигрантской интеллектуальной культуре, крайне примечателен, сегодня говорят, что социальные проблемы памяти должны рассматриваться в единстве с забвением, политикой памяти, факторами, формами проявления бумажной памяти, его ролью в современном научном знании [15, с. 13–23].

Историческая память русской эмиграции могла выстраиваться как вокруг отдельного человека, так и вокруг социальной группы. Так формировались индивидуальные и коллективные представления о прошлом, которые в реальности были неразрывно связаны. Представления о прошлом складывались под воздействием социальных рамок, даже память о прошлом одного конкретного человека определялась его вовлеченностью в социальные группы, начиная с семьи и заканчивая национальной общностью. В примере зарубежной России можно говорить как о памяти диаспоры в целом, так и о памяти военных, ученых, либералов и консерваторов, детей и взрослых. Для возникновения чувства прошлого должна возникнуть *трещина* между настоящим и прошлым, чтобы появилось «до» и «после». Интегральная психологизация современной памяти ввела новую экономию механизмов памяти и отношений с прошлым [14, с. 33], настоящее становится повторным, актуализированным прошлым. Общество, страна учатся жить с травмой, не подавляя и не вытесняя ее, оставляя в судьбе, истории социальной жизни, а время остается общей ставкой и для памяти-чувства, и для воспоминания-действия [11, с. 39]. Предельное сжатие, турбулентность и без того дискретного, неравномерного времени привело эмиграцию к разрыву временных связей, нарушению морали и порядка, росту негативных явлений. Возникло ощущение хронической нестабильности, страха перед временем, который можно классифицировать как разновидность социальных страхов [47, с. 36].

Таким образом, российское эмигрантское сообщество проживает несколько исторических темпоральностей, этапов *социально отдельных жизней*, различающихся своим колоритом и содержанием, успехом или поражением, горестью или радостью. Да и само оно каждый раз другое — его конструирует историческое время, социальный опыт, память.

Образ России и темпоральность потрясений. Исследовательский вопрос: каким был образ России в интеллектуальном дискурсе эмиграции и как он конструировался под влиянием пережитого исторического опыта? Обыденный уровень сознания и деятельности оказывает огромное воздействие на научный анализ, мобилизуя политику, бюрократию, конституционно-правовые нормы, порождая симпатизирующую этнографию, основанную как на *политической наивности*,

так и на политически корректной идеологической позиции [36]. Общество в любом случае — не гомогенная масса, самоощущение и темпоральное восприятие мира культурами сильно разнятся в собственном социальном и культурном слое. А национальная целостность может быть понята как идея времени, исключающего возможность внутреннего политического плюрализма. В эмиграцию были перенесены старые споры и конфликты, в том числе мемориальные, возвращенные на дореволюционной почве, отсюда происходили жаркие споры вокруг евразийства или столетия декабристов [22; 23], осуществление коллективного дискурса — не для оценки или переоценки личного прошлого, но для реконструкции общей истории.

Эмигранты стали свидетелями и участниками темпоральности глобальных исторических потрясений, осмыслить их было трудно. Еще сложнее было понять истоки этой катастрофы, осознать глубинные причины и найти в истории моральные опоры. Этот момент особенно важен в понимании времени миграционной мобильности, в процессе которой мигранты теряют часть социального статуса или меняют его, сознательно разрезая время на отдельные отрезки. Историческое время конструирует нас, темпоральность нашей жизни, общества, а предельное сжатие и без того дискретного, неравномерного исторического времени приводит к разрыву временных связей, динамическим распадам империй, нарушению морали и порядка, росту негативных явлений. Поэтому каждый образованный человек в эмиграции стремился создать новый, удовлетворяющий его образ России, который служил социальным, пространственным и временным ориентиром [35, с. 198]. Бегство в прошлое должно было не только излечивать душу, но и пробуждать чувство национальной гордости. На первый план выходил культ выдающихся исторических деятелей, «великих строителей России», «зодчих русской культуры», как называли их эмигранты. Их образы становились своего рода «идеальными типами», призванными служить моральным примером для современников.

Заметно происходит избавление от воображения времени в бинарных оппозициях, дихотомиях, полярности. В постмодернистской темпоральности это уже не имеет смысла. Важно понимание исторического времени, наполняющего память, не как хронологического ряда, а как множества рядов, в каждом из которых существует темпоральный символ независимости, нелинейности. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет, репрезентация прошлого [18]. Культурная идентификация — важнейший компонент конструирования образа социального субъекта посредством установления темпоральной взаимосвязи между собой и социальной группой, народом, переживание чувства принадлежности к национальной культуре, интериоризации, принятия ее ценностей.

В сознании эмигрантов формировался идеализированный образ потерянной Родины, налицо была переживаемая ими ностальгия, которая усиливалась по мере осознания невозможности вернуться назад. Идеализация прошлого при этом не означала примирения с дореволюционным политическим строем, критиками которого было немало русских эмигрантов. Структурными элементами исторического времени группы выступают отношение ко времени (положительное, отрицательное, нейтральное) и субъективная значимость времени для группы, тревожность времени, оценка скорости жизни, степень озабоченности конечностью жизни, смертью [48]. Произшедшие в группе события превращаются в сходства, их предназначение — показать с разных сторон *одинаковое содержание* — *фундаменталь-*

ные черты группы [8]. Отсюда коллективная память, картина сходств: группа остается одинаковой, а меняются отношения с другими.

Дискуссия о показательности местных историй предполагает вплетение малой истории в большую; в этом смысле микроистория располагается на траектории изменения масштабов, которую она попутно нарративизирует [11, с. 91]. Для русской послереволюционной эмиграции важное значение приобрел исторический опыт французских эмигрантов, вынужденных оставить свою страну после Великой французской революции [10, с. 5]. Переход от памяти к истории заставил каждую социальную группу дать новое определение своей идентичности через оживление её собственной истории [46]. Это не простая сумма пересечений времен, переломные события не только раскололи русское общество, но и видоизменили жизнь каждого его представителя, нарушили привычный ход жизни. Они отразились на времени, культуре памяти, время как ключевой параметр нелинейного проекта, социальный конструкт, опыт, воплощенный в телесных практиках, событиях, оказался в конфликте с этакратизмом. Имперский период оценивался как время упущенных, нереализованных возможностей: постоянные метания от реформ к реакции, слишком долгое отсутствие гражданских свобод, запоздалое введение парламентаризма.

Но при этом исторический путь России не считался тупиковым, имперский проект оценивался положительно, независимо от взглядов конкретного эмигрантского деятеля. Пережитые исторические потрясения опровергают представления о позитивистско-физикалистской абстракции времени, общество оказалось на стыке пересечения различных социальных форматов темпоральностей. Образ будущего времени уже не представлял собой совершенное, абсолютное состояние, не имеющее отрицательных характеристик, замыкающееся на тотальности предельных оснований. В эмигрантской интеллектуальной культуре наметилась тенденция к темпоральному многообразию, ведь время революции как социальное время может быть зависимой или независимой переменной. В качестве первой оно представляет контекст, в котором происходят социальные процессы, может быть использовано для измерения темпов распространения или рассеяния в социальных системах. В качестве второй социальное время становится стратегией, включающей сознательную манипуляцию временем для получения власти или лояльности [49]. Время революции повлияло на социальное взаимодействие, совершило инверсию, конструируя воспоминания, извлекая социальные факты в настоящее. В современном обществе концепция социального ускорения может оказаться новым инструментом анализа, обещающая по-новому осветить ряд политических и социальных патологий современного общества. В многомерном тексте эмигрантской интеллектуальной культуры время становится *гипервременем*. Никакой элемент не функционирует, не приобретает и не придает смысл иначе, как отсылая к какому-то прошлому или будущему. Время влияет на жизнь людей не только как затрачиваемый ресурс, но как субъект, социокультурный код, оживляя историческую память как причинную силу, вовлекающую условия социального изменения.

Понимание исторического времени как важнейшего в иерархии времен выступает специфическим атрибутом конкретных культур, обществ, цивилизаций, но сама категория лишается единой семантики общемирового универсального значения длительности. В эмигрантской интеллектуальной культуре переосмысление

исторического опыта России было вызвано стремлением осознать переломные события российской и мировой истории, ведь 1920–1930-е гг. ознаменовались в жизни Европы колоссальными идеологическими подвижками. Произошел необычайный рост национал-патриотических настроений, в эмиграции наступил фантомный мир, колеблющийся, ускользающий, покрытый мраком морального запустения, с неопределенностью темпоральной перспективы, с фрагментарностью и переменчивостью социального настроения, общественных и личных интересов [17; 41].

Переживаемые или наблюдаемые события отражались на системе взглядов эмигрантов, их представлениях о России, времени и о себе. В эмигрантской интеллектуальной культуре переосмысление исторического опыта России было вызвано стремлением осознать переломные события российской и мировой истории, но сам образ России всегда был приправлен огромной порцией трагической ностальгии.

Заключение. В итоге эмигрантская среда стала благодатной средой для складывания своеобразного представления о темпорализме революции, зарождения и развития разнообразных политических мифов. Их базовой основой становилась отечественная история, в которой пытались найти ответы на злободневные современные вопросы. Значительная часть изгнанников осознанно участвовала в их создании, желая обосновать особую эмигрантскую идентичность и попытаться сконструировать идеальное прошлое и будущее. Время диаспоры создавало новый образ истории потерянной Родины, особую культуру памяти о прошлом. Социальное преломление времени отечественной истории рисует пеструю нелинейную темпоральную картину революции 1917 г., как и всего XX века. Время революции предстало не как безразличный и равнодушный фон, на котором разворачивается история, а мощным живым мониторингом социально-политической жизни России. Участие русской эмиграции в интерпретации революционной темпоральности подтверждает, что претензия на единственную истину научной репрезентации на практике лишь маскирует тотальную волю к власти, стремление сформировать, подчинить научный поиск тирании господствующего дискурса, уничтожив радость многообразия.

Литература

1. Gurvitch G. The Problem of Time // *The Sociology of Time* / ed. by J. Hassard. London: Macmillan, 1990. P. 35–44.
2. Fraser J. T. Time, Conflict, and Human Values. Urbana — Chicago: University of Illinois Press, 1999. 306 p.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира / пер. Кубель Л. М.: Прогресс, 1992. 368 с.
5. Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2013. 496 с.
6. Троцкий С. А. Ускорение времени // *Философия старости: геронтология*. Сб. материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 66–71.
7. Кравченко С. А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // *Социологические исследования*. 2007. № 9. С. 24–34.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

9. Fraser J. T. Time and Time Again. Reports from a Boundary of the Universe. Supplements to The Study of Time / From timelessness to time. Out Of Plato's Cave: The Natural History of Time. Ed. by Paul Gifford, London Deputy Ed. I. Lawrie. Vol. 1. Leiden–Boston: Brill, 2007. 433 p.
10. Миллер К. К. Французская эмиграция в России в царствование Екатерины II. Париж: Родник, 1931. 414 с.
11. Рикёр П. Память, история, забвение. Французская философия XX века. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
12. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
13. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
14. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
15. Романовский Н. В. Новое в социологии — «Бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.
16. Семёнова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
17. Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
19. Шенк Ф. Б. Концепция «*Lieux de Mémoire*» // Берлин: Свободный университет, 1998. URL: www.main.vsu.ru/~cdh/Articles/02-11a.htm (дата обращения: 07.04.2017).
20. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. 390 с.
21. Вандалковская М. Г. Историческая мысль русской эмиграции 20–30-х гг. XX в. М.: ИРИ РАН, 2009. 432 с.
22. Ковалёв М. В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. № 25/2. С. 119–138.
23. Ковалёв М. В. Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 120–147.
24. Цепилова В. И. Российская эмиграция и выступление декабристов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 159–166.
25. Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань: Астраханский университет, 2008. 326 с.
26. Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Новое издательство, 2010. 632 с.
27. Омельченко Н. А. Политическая мысль русского зарубежья: Очерки истории (1920 — начало 1930-х годов). М.: Планета детей, 1997. 256 с.
28. Пивоваров Ю. С. Два века русской мысли. М.: ИНИОН РАН, 2006. 476 с.
29. Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы // Теория общества / ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 261–292.
30. Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. С. 40–72.
31. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
32. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2003. 44 с.
33. Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус: дис. ... д-ра филос. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2010. 265 с.
34. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 556 с.
35. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
36. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.
37. O'Reilly J. What kind of Pressure? What kind of Europe? Interdependency, conflict and control // European Sociological Association 10th Conference: Social Relations in Turbulent Times: Abstract Book. Geneva: University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.
38. High Speed Society: Social Acceleration, Power and Modernity / eds R. Hartmut and W. Scheuerman. University Park PA: Penn State University Press, 2009. 313 p.

39. Мирзеханов В. С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и Новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
 40. Мирзеханов В. С. Глобальная история XIX–XX вв.: подходы, модели времени // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 10 (54).
 41. Ярская В. Н. Историческое время фантомов // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 283–293.
 42. Струве П. Б. Размышления о русской революции. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. 34 с.
 43. Suny R. G., Kennedy M. D. Introduction // Intellectuals and the Articulation of the Nation / eds R. G. Suny, M. D. Kennedy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 1–50.
 44. Винтер Р. Ю. Учебник истории: Новое время. Рига: Издание акционерного общества Вальтера и Рапа, 1928. 474 с.
 45. Винтер Р. Ю. Учебник Новой истории. М.: Типография товарищества Н. Н. Куншерев, 1908. 531 с.
 46. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. Прага: Орбис, 1929. 524 с.
 47. Амбарова П. А. Страх перед временем: социокультурные смыслы и стратегии преодоления // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Уфа: Российское общество социологов, 2012. С. 7649–7655.
 48. Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12–21.
 49. Веселкова Н. В. Социология времени и Жорж Гурвич // Рубеж. 2003. № 18. С. 50–64.
- Для цитирования:** Ярская-Смирнова В. Н., Ковалёв М. В. Темпоральность революции в дискурсе русской эмиграции // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 269–286.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.302>

References

1. Gurvitch G. The Problem of Time. *The Sociology of Time*. Ed. by J. Hassard. London, Macmillan, 1990, pp. 35–44. (In English)
2. Fraser J. T. *Time, Conflict, and Human Values*. Urbana — Chicago, University of Illinois Press, 1999. 306 p. (In English)
3. Giddens A. *Ustroenie obschestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, Akademichesky Proekt Publ., 2005. 528 p. (In Russian)
4. Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira* [Material civilization, Economics and Capitalism. XV–XVIII centuries. Vol. 3. The Perspective of the World]. Moscow, Progress Publ., 1992. 368 p. (In Russian)
5. Budnitsky O. V., Polyan A. L. *Russko-evreysky Berlin (1920–1941)* [Russian-Jewish Berlin (1920–1941)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 496 p. (In Russian)
6. Troitsky S. A. Uskorenie vremeni [Acceleration of time]. *Filosofiya starosti: gerontosofiya* [Philosophy of old age: gerontology]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002, pp. 66–71. (In Russian)
7. Kravchenko S. A. Modern and postmodern: «staroe» i novoe videnie [Modern and Post-Modern: «old» and new view]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches], 2007, no. 9, pp. 24–34. (In Russian)
8. Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, pp. 16–50. (In Russian)
9. Fraser J. T. *Time and Time Again. Reports from a Boundary of the Universe. Supplements to The Study of Time / From timelessness to time. Out Of Plato's Cave: The Natural History of Time*. Ed. by Paul Gifford, London Deputy Ed. I. Lawrie. Vol. 1. Leiden–Boston, Brill, 2007. 433 p.
10. Miller K. K. *Francuzskaya emigratsiya i Rossiya v tsarstvovanie Ekateriny II* [French emigration and Russia in the reign of Catherine II]. Paris, Rodnik Publ., 1931. 414 p. (In Russian)
11. Ricœur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie. Francuzskaya filosofiya XX veka* [Memory, history, oblivion. French philosophy of the XX century]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004. 728 p. (In Russian)

12. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [A long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p. (In Russian)
13. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Remembrance, and Political Imagination in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 368 p. (In Russian)
14. Nora P. *Problematika mest pamjati* [Problems of places of memory]. *Franciya — Pamjat'* [France — Memory]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, pp. 17–50. (In Russian)
15. Romanovsky N. V. *Novoe v sociologii — «Bum pamjati»* [A New in sociology — «The Boom of Remembrance»]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 2011, no. 6, pp. 13–23. (In Russian)
16. Semenova V. V. *Social'naya dinamika pokolenij: problema i real'nost'* [Social dynamics of generations: the problem and reality]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 271 p. (In Russian)
17. Toshhenko Zh. T. *Paradoksal'ny chelovek* [A paradoxical man]. Moscow, Izd-vo JuNITI-DANA, 2008. 543 p. (In Russian)
18. Halbwachs M. *Social'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russian)
19. Shenk F. B. *Koncepciya «Lieux de Mémoire»* [The concept of «Lieux de Mémoire»]. Available at: www.main.vsu.ru/~cdh/Articles/02-11a.htm [accessed: 07.04.2017]. (In Russian)
20. Antoshhenko A. V. *«Evrazija» ili «Svyataya Rus'»? (Rossijskie emigranty v poiskah samosoznaniya na putyah istorii)* [«Eurasia» or «Holy Russia»? (Russian emigrants in search of self-awareness on the paths of history)]. Petrozavodsk, Karelsky nauchny tsentr RAN, 2003. 390 p. (In Russian)
21. Vandalkovskaya M. G. *Istoricheskaya mys' russkoy emigratsii 20–30-kh gg. XX v.* [Historical thought of the Russian emigration of the 20–30-ies. XX century]. Moscow, IRI RAN, 2009. 432 p. (In Russian)
22. Kovalev M. V. *Mezhdu politikoy i ideologiyey: metamorfozy istoricheskoy pamyati russkoy emigracii 1920–1940 godov* [Between politics and ideology: metamorphoses of the historical memory of the Russian emigration of 1920–1940]. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2012, no. 3, pp. 120–147. (In Russian)
23. Kovalev M. V. *Imperskaya ideya v uchebnykh narrativakh russkoy emigratsii 1920–1930-h gg. [The imperial idea in the educational narratives of the Russian emigration of 1920–1930's.]. Elektronny nauchno-obrazovatel'ny zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational review «History»], 2014, vol. 4 (27). (In Russian)
24. Tsepilova V. I. *Rossiyskaya emigratsiya i vystupleniye dekabristov* [Russian emigration and the Decembrist's Revolt]. *Otechestvennaya istoriya* [Patrimonial History]. 2005, no. 6, pp. 159–166. (In Russian)
25. Antropov O. K. *Rossiyskaya emigratsiya v poiskakh politicheskogo objedineniya (1921–1939 gg.)* [Russian Emigration in the Search of Political Union (1921–1939)]. Astrakhan, Astrakhansky Universitet Publ., 2008. 326 p. (In Russian)
26. Glebov S. *Evraziystvo mezhdou imperiyey i modernom* [Eurasianism between Imperia and Modernity]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2010. 632 p. (In Russian)
27. Omel'chenko N. A. *Politicheskaya mys' russkogo zarubezhya: Ocherki istorii (1920 — nachalo 1930-kh godov)* [Political thought of the Russian emigration: Essays of history (1920 — early 1930's)]. Moscow, Planeta detey Publ., 1997. 256 p. (In Russian)
28. Pivovarov Ju. S. *Dva veka russkoj mysli* [Two centuries of Russian thought]. Moscow: INION RAN Publ., 2006. 476 p. (In Russian)
29. Macnaghten P., Urry J. *Sociologiya prirody* [Sociology of Nature]. *Teoriya obshhestva* [Theory of Society]. Ed. by A. F. Filippova. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole, 1999, pp. 261–292. (In Russian)
30. Giddens A. *Elementy teorii strukturacii* [Elements of the theory of structure]. *Sovremennaja social'naja teoriya: Bourdieu, Giddens, Habermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk, Izd. Novosib. un-ta, 1995, pp. 40–72. (In Russian)
31. Ritzer G. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 688 p. (In Russian)
32. Repina L. P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow, Izdatel'stvo GU-VShJe, 2003. 44 p. (In Russian)
33. Makarov A. I. *Fenomen nadyndividual'noj pamyati: strategii konceptualizacii i ontologicheskij status*. Diss. Dokt. Filos. Nauk [Phenomenon of supra-individual memory: strategy of conceptualization and ontological status. Diss. Dr. of Philosophy]. St. Petersburg, Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena Publ., 2010. 265 p. (In Russian)

34. Trubetskoy N. S. *Nasledie Chingiskhana [Legacy of Genghis Khan]*. Moscow, Agraf, 2000. 556 p. (In Russian)
35. Raëff M. *Rossiya za rubezhom: Istorija kul'tury russkoy emigracii. 1919–1939 [Russia Abroad: History of the Culture of Russian Emigration. 1919–1939]*. Moscow, Progress-Akademija Publ., 1994. 296 p. (In Russian)
36. Tishkov V. A. *Rekvjem po etnosu. Issledovaniya po social'no-kul'turnoy antropologii [Requiem for the ethnos. Studies on socio-cultural anthropology]*. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p. (In Russian)
37. O'Reilly J. What kind of Pressure? What kind of Europe? Interdependency, conflict and control. *European Sociological Association 10th Conference: Social Relations in Turbulent Times: Abstract Book*. Geneva, University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.
38. *High Speed Society: Social Acceleration, Power and Modernity*. Eds R. Hartmut and W. Scheuerman. University Park PA, Penn State University Press, 2009. 313 p. (In English)
39. Mirzekhanov V. S. XIX vek v mirovoy istorii (k vyvodu V toma «Vsemirnoj istorii») [XIX century in world history (to the edition of Volume V of the «World History»)]. *Novaya i Noveyshaja istoriya [The Modern and Contemporary History]*, 2015, no. 4, pp. 3–19. (In Russian)
40. Mirzekhanov V. S. Global'naya istoriya XIX–XX vv.: podhody, modeli vremeni [Global history of the XIX–XX centuries: approaches, models of time]. *Elektronny nauchno-obrazovatel'ny zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational review “History”]*, 2016, vol. 10 (54). (In Russian)
41. Yarskaya V. N. Istoricheskoe vremya fantomov [Historical time of phantoms]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*, 2015, no. 2, pp. 283–293. (In Russian)
42. Struve P. B. *Razmyshleniya o russkoy revolyutsii [Reflections on the Russian Revolution]*. Sofia, Rossijsko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo, 1921. 34 p. (In Russian)
43. Suny R. G., Kennedy M. D. Introduction. *Intellectuals and the Articulation of the Nation*. Eds R. G. Suny, M. D. Kennedy. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1999, pp. 1–50.
44. Vipser R. Ju. *Uchebnik istorii: Novoe vremya [Textbook of History. Modern Time]*. Riga, Izdanie akcionernogo obshchestva Val'tera i Rapa, 1928. 474 p. (In Russian)
45. Vipser R. Ju. *Uchebnik Novoy istorii [Textbook of the Modern History]*. Moscow, Tipografija tovarishhestva N. N. Kunsherev, 1908. 531 p. (In Russian)
46. Kizevetter A. A. *Na rubezhe dvuh stoletij: Vospominaniya 1881–1914 [At the turn of two centuries: Memories of 1881–1914]*. Prague, Orbis Publ., 1929. 524 p. (In Russian)
47. Ambarova P. A. Strah pered vremenem: sociokul'turnye smysly i strategii preodoleniya [The fear of time: sociocultural meanings and coping strategies]. *Sociologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development: Proceedings of the Fourth All-Russian Sociological Congress]*. Ufa, Rossiyskoe obshchestvo sociologov Publ., 2012, pp. 7649–7655. (In Russian)
48. Nestik T. A. Social'noe konstruirovanie vremeni [Social construction of time]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological researches]*, 2003, no. 8, pp. 12–21. (In Russian)
49. Veselkova N. V. Sociologiya vremeni i Zhorzh Gurvich [Sociology of time and Georges Gurvich]. *Rubezh [A Border]*, 2003, no. 18, pp. 50–64. (In Russian)

For citation: Yarskaya-Smirnova V. N., Kovalev M. V. Temporality of the revolution in the discourse of russian emigration. *Vestnik SPbSU. Sociology*, 2017, vol. 10, issue 3, pp. 269–286.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.302>

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2017 г.

Статья рекомендована в печать 8 июня 2017 г.

Контактная информация:

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна — доктор философских наук, профессор;
 jarskaja@mail.ru

Ковалёв Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, доцент; kovalevmv@yandex.ru

Yarskaya-Smirnova Valentina N. — Doctor of Philosophy, Professor; jarskaja@mail.ru

Kovalev Mikhail V. — PhD, Associate Professor; kovalevmv@yandex.ru